

УДК 327:94:27

Алессандро САЛАКОНЕ

КУБИНСКИЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ СССР И ИТАЛИИ

Аннотация. С конца пятидесятих годов начался новый этап в отношениях между СССР и Италией. Рим увидел в диалоге с СССР канал, чтобы укрепить свою внешнюю политику на международной арене и внести вклад в разрядку между Востоком и Западом. Кубинский кризис стал для Италии возможностью проверить эту внешнюю политику. Сменявшие друг друга правительства Рима, не жертвуя атлантической солидарностью, уделяли особое внимание позиции СССР и со своей стороны способствовали преодолению кризиса мирным путём.

Ключевые слова: Италия, СССР, Куба, Фанфани, Хрущёв, международная безопасность, “холодная война”.

Минувшим летом была перевернута заключительная страница самого опасного международного кризиса второй половины XX века, который едва не привёл к Третьей мировой войне. Куба и США восстановили прерванные в канун его вспышки дипломатические отношения. МИД России назвал это событие давно назревшей мерой, объективным отражением меняющихся международных реалий, всё больше осознаваемых в мире “и, как мы надеемся, в Вашингтоне”¹.

Карибский (или Кубинский) кризис произошел в период разрядки международной напряжённости. С середины пятидесятих годов начался новый этап развития межгосударственных отношений, когда Советский Союз пересмотрел свою внешнюю политику и установил отношения нового типа со многими странами западного блока. Сталинское положение о неизбежности войны уступило место теории мирного сосуществования и экономического соревнования между капиталистической и коммунистической системой [Zubok, 2007: 94]. Двусторонние отношения США и СССР оставались основным стержнем системы международных связей. При этом, множественность силовых центров и геополитических игроков делала картину более сложной и динамичной. Потребность обеих сверхдержав в союзниках в своей борьбе за мировое превосходство давала второстепенным участникам биполярного

¹ http://www.mid.ru/maps/cu/-/asset_publisher/ZCoR8WfDPJng/content/id/1536901

© Салаконе Алессандро, научный сотрудник “*Università degli Studi di Napoli – L’Orientale*”, сотрудник Института всеобщей истории РАН. Адрес: Москва, Ленинский проспект, д. 32 А, 119334. E-mail: asalac@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект No 14-18-02677).

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42015138146>

столкновения немалые переговорные преимущества [Harper, 2011: 7–13]. Италия стала одним из значимых участников международных переговоров именно в это время, в контексте Карибского кризиса. В связи с этим важно рассмотреть роль Италии и итальянских политиков в рамках отношений СССР и США, главным образом, в налаживании мирного процесса.

Италия в период разрядки

С конца пятидесятых годов контакты между Римом и Москвой стали более интенсивными. Можно сказать, что они вышли за пределы традиционных каналов связи между странами, которые проходили, прежде всего, через Итальянскую коммунистическую партию [Bagnato, 2002; Хормач, 2005; L'Italia vista dal Cremlino, 2015]. Итальянский правящий класс видел в мирном сосуществовании и в отношениях с СССР новый импульс для полноправного включения Италии в процессы разрядки международной напряжённости [Tra guerra fredda e distensione, 2003; Un ponte sull'Atlantico, 2008; Салаконе, 2015].

Историческая поездка Хрущёва в США в сентябре 1959 года, ставшая первым визитом генерального секретаря ЦК КПСС в американскую столицу, положила начало новой эпохе отношений между странами. Одновременно потепление отношений между США и СССР предоставило возможность многим европейским руководителям делать ставку на более открытые и понятные отношения с Кремлём. Власти Италии придерживались мнения, что мир идёт в сторону многополярного устройства и контакты с Востоком были необходимы для сохранения мира. Отсутствие диалога могло спровоцировать неожиданное обострение международной напряжённости [Мелькионни, 2011: 208–209]. Такое видение возникло также благодаря новым ориентирам в международных отношениях, обозначенных Святым Престолом после восшествия на папский престол Иоанна XXIII (28 октября 1958 г.), Папы, который поддерживал намерение налаживать отношения с Восточным блоком итальянских правительств и лично работал для поиска пространства диалога и обмена мнениями со странами за железным занавесом [Riccardi, 1992; Красиков, 2014: 528–531]. В такой атмосфере готовился первый визит президента Итальянской Республики Джованни Гронки в Москву в 1960 году, благодаря чему было положено начало новой эпохи в отношениях Италии и СССР [Rossucci, 2015: 21–45].

Хрупкость разрядки была очевидна с самого начала. Ярким свидетельством этого был берлинский вопрос, который использовался Хрущёвым как орудие давления на всех переговорах. Несмотря на то, что независимо от обстоятельств Италия твёрдо придерживалась прозападных позиций, это не исключало близости между Римом и Москвой во взглядах на перспективы и возможные решения немецкого вопроса. Положение Берлина, “замороженное” в августе 1961 года строительством берлинской стены, считалось символом “холодной войны”, но парадоксальным образом именно оно стало одним из факторов, вынудивших оба блока не ввязываться ни в какую военную авантюру.

Однако, пожалуй, окончательно положил конец хрупкой разрядке напряжённости, начатой несколькими годами ранее, Карибский кризис, когда перед всем миром встала угроза перехода от идеологического столкновения к прямому военному конфликту между Советским Союзом и Соединёнными Штатами.

Для Италии этот кризис, который разрешался непосредственно Москвой и Вашингтоном, стал важным моментом, который позволил реализовать новый курс внешней политики римских правительств, начатый с конца пятидесятых годов. Так называемый неоатлантизм [Martelli, 2008; Салаконе, 2014] был подвергнут испытаниям именно тогда, когда под угрозой оказалась безопасность основного североатлантического партнёра. Поведение Италии выявило все последствия подобного

подхода. Тем более что Италия имела непосредственное отношение к кубинской истории: на её территории были размещены ракеты “Юпитер”, которые в наиболее драматические часы кризиса станут предметом переговоров для достижения мирного компромисса. Италия хотела стать мостом между Востоком и Западом, и в дни кризиса получила подходящую возможность воплотить этот идеал и внести вклад в его мирное разрешение.

СССР и кубинская революция

Отношения СССР с революционным движением Фиделя Кастро были противоречивыми, поскольку Латинская Америка никогда не была геополитическим приоритетом для Советского Союза. У кремлевских дипломатов не было глубокого понимания характера освободительных движений на латиноамериканском континенте¹. В начале Москва достаточно скептически смотрела на кубинскую революцию, тем более что Фидель Кастро коммунистом не был. Однако, когда в скором времени стала очевидной реальная власть Фиделя, СССР начал осторожно, но всё же сокращать расстояние в отношениях с революционным лидером, который не намеревался отдавать “ключи” от революции чужим.

С конца 1959 г. Хрущёв хотел совершить перелом в отношениях с Кубой, дав разрешение на первую поставку оружия из одной из стран восточного блока – Польши. Решение это было принято, невзирая на отрицательное мнение министра иностранных дел, который не хотел рисковать отношениями с США, которые значительно улучшились после исторической встречи Хрущёва и Эйзенхауэра. Данное политическое решение имело большие последствия и фактически положило начало быстрому сближению с Кубой, которую хотели использовать и как средство вхождения “во двор” к Вашингтону. Впрочем, Хрущёв был убеждён, что Соединённые Штаты независимо от событий на маленьком кубинском острове не пожертвуют открывшейся новой эпохой в отношениях с Москвой [Fursenko – Naftali, 1997: 44].

Хрущёв в каком-то смысле поставил своё собственное политическое будущее на спасение революции. С 1960 г. советский лидер полностью взял в свои руки “кубинское досье” и лично прокладывал путь, приведший к событиям октября 1962 г. Неудачная попытка высадиться в заливе Кочинос для свержения Кастро в апреле 1961 г. ускорила события и побудила Кремль к более решительным действиям. Решение направить баллистические ракеты на Кубу с превентивной целью, принятое в мае 1962 г., родилось из желания Хрущёва зафиксировать статус-кво на острове. Советский лидер осознавал, что это вызовет политическое землетрясение в США, но, как писал Нафтали, подобное решение соответствовало его идее агрессивного сдерживания, которой придерживалась советская внешняя политика в 1962 г. [Naftali, 2012: 300].

Последствия советского решения не замедлили проявиться. Когда ракеты ещё не прибыли на остров, но Кеннеди уже мобилизовал 150000 резервистов, в Москве осознали, что был запущен исключительно опасный механизм². События оконча-

¹ Пишут Фурсенко и Нафтали : “In general, the Soviet leadership knew very little about Castro’s Cuba. Ever since Fidel Castro marched triumphantly into Havana in January, the Kremlin had relied on the Cuban PSP for most of its political intelligence on Cuba. Admittedly, some information was also coming from KGB station, called the residentura, in Mexico City and from Czech intelligence, which of all the socialist bloc intelligence services had the most lines into Cuba in 1959. But these intelligence sources were not very good. The Soviets needed to establish contact at the very highest level in Cuba”, в А. Fursenko – Т. Naftali (1997), с. 25.

² Дипломат Олег Трояновский, в то время бывший советником по вопросам внешней политики председателя Совета министров СССР в своих мемуарах утверждает, что Хрущёв

тельно вышли из-под контроля, когда 16 октября американская администрация узнала, что на Кубе были уже установлены советские баллистические ракеты средней дальности, способные поразить территорию Соединённых Штатов. Кеннеди сначала решил уничтожить ракетные установки быстрой и неожиданной авиационной атакой, но затем риски, связанные с подобным вариантом развития событий, побудили его предпринять попытку дипломатического разрешения кризиса.

Пик кризиса пришелся на последнюю декаду октября 1962 г., когда США объявили о морской блокаде Кубы, и тем самым был сделан шаг к Третьей мировой войне. Вот как описывает охватившие его в тот момент чувства Анатолий Андреевич Громыко, сын министра иностранных дел, ныне член-корреспондент РАН, а тогда советник посольства СССР в Великобритании: “Английские газеты гадали, применяют ли ВМС США силу против направлявшихся на Кубу советских судов и свои ВВС против нашей ракетной базы на Кубе. Если применяют, то могут быть сотни убитых и раненых. Чем ответит Хрущёв? Ударит по западноевропейским столицам или самим США? “Большой нелепости, чем погибнуть в Лондоне от советских атомных бомб, придумать трудно”, – думал я, засыпая в своей квартире на Холланд роуд” [Громыко, 2009: 314]. Такие же чувства испытывал, как он мне в этом признался, главный научный сотрудник Института Европы РАН А.А. Красиков, работавший в 1962 г. заведующим отделения ТАСС в Риме. Он же познакомил меня с записью своей беседы с дочерью Н.С. Хрущёва Радой Никитичной Аджубей, с которой встречался в канун 100-летия со дня рождения бывшего советского лидера в апреле прошлого года. Из неё следует, что в то самое время, когда мир был взволнован перспективой ракетно-ядерного апокалипсиса, не только советский народ в целом, но даже жена и дети Хрущёва оставались в абсолютном неведении относительно событий в Карибском море. И в разгар кризиса по его предложению вместе с членами Президиума ЦК демонстративно отправились в Большой театр, как если бы ничего серьёзного никому не угрожало [Roncalli - Krasuykov, 2014]”.

Италия в дни кризиса

Европане была вовлечена в процесс принятия решений. Роль стран Варшавского Договора в решении Карибского кризиса также была “незначительной” [Kramer, 2012: 59]. Италия и другие основные союзники НАТО были проинформированы о развитии событий на острове за несколько часов до обращения Кеннеди к нации 22 октября. В тот же день Соединённые Штаты обратились в ООН, а президент направил личное послание Хрущёву, в котором обещал Кремлю, что если советское ядерное оружие будет выведено с Кубы, он согласится встретиться с генеральным секретарем КПСС и обсудить такие актуальные вопросы повестки дня, как базы НАТО в Турции и в Италии [Nutti, 199: 539]. Следовательно, Италия изначально считалась одним из регионов с наибольшим риском стать объектом агрессии со стороны Советского Союза. В то же время расположенные на полуострове базы НАТО с самого начала представляли собой возможный предмет торга для преодоления конфликта и вывода советских баз с Кубы [Samrus, 2014: 277].

Председатель Совета министров Италии Фанфани был проинформирован о происходящих событиях американским послом в Риме Рейнхардтом, привезшим ему две из четырех частей речи Кеннеди, которая вскоре была прочитана в обращении к нации, а также личное письмо президента. В своем письме Кеннеди просил Италию гарантировать поддержку Соединённым Штатам в ООН и выражал уверенность, что Фанфани сообщит ему свое мнение о его инициативе. В заключении

уже в конце сентября сказал ему: “Теперь уже поздно что-нибудь менять” [Трояновский, 1997: 243].

он подчёркивал важность работы в тесном контакте и брал на себя обязательство информировать союзника о дальнейшем развитии событий.

Фанфани ответил Кеннеди 23 октября личным письмом, в котором выражал солидарность Италии и понимание всей сложности переживаемого Америкой момента, но советовал союзнику действовать с максимальной осторожностью в применении мер к Кубе и поддерживал решение обратиться к ООН с целью мирного разрешения кризиса. Кроме того, в своем письме Фанфани не скрывал своих глубоких сомнений в связи с “серьёзнейшей опасностью” для мира, к которой могли привести задуманные Вашингтоном меры:

“Италия понимает, какое серьёзное беспокойство по поводу сохранения мира в Карибском море, в Западном полушарии и во всех других частях мира вызывает сосредоточение наступательного ядерного оружия на острове Куба. Однако я не исполнил бы элементарный долг дружбы (...), если бы не сказал, что намеченные Вами меры могут подвергнуть всех серьёзнейшей опасности. (...). Как Вы давно знаете, господин президент, я твердо верю, что, опираясь на несомненную волю к миру Соединённых Штатов, используя в первую очередь ООН и дойдя до исчерпывающей и прямой дискуссии между Вами и господином Хрущёвым, можно, проведя глобальное конструктивное рассмотрение всех открытых на данный момент проблем, перевести мир от нынешнего состояния тяжелейшей напряжённости к началу нового периода спокойствия. Нужно смело и решительно подойти к глобальному рассмотрению всех существующих вопросов. Это рассмотрение должно быть первой целью тех, на ком лежит высшая ответственность в поведении мира, то есть на главах Соединённых Штатов и Советского Союза. Полагаю, что другие страны и деятели смогут и сумеют поддержать столь отважную и неотложную операцию. Италия и её правители, несомненно, поддержали бы её столь же убежденно, как сейчас стремятся к ней...”¹.

Текст послания красноречиво свидетельствует о подходе Фанфани к этому кризису. Поддерживая в трудный момент Соединённые Штаты, он не пошёл путём резких заявлений и всеми возможными способами призывал Кеннеди найти мирное решение кризиса. Осторожного подхода в отношении американского союзника он придерживался и в ходе дебатов по вопросам кризиса, прошедшим в сенате и в палате депутатов 23 октября. Председатель Совета министров, проявляя глубокое понимание создавшейся серьёзнейшей ситуации, выразил в отношении Соединённых Штатов “робкую косвенную” поддержку, направленную на проявление солидарности Италии с союзником. Фанфани настаивал на необходимости найти дипломатическое решение кризиса, без риска эскалации конфликта. Подобный подход был выражен также и в выступлениях других лидеров парламентского большинства, таких как секретаря ХД Моро, и секретаря СДПИ Сарагата. ИСП, оказывавшая правительству внешнюю поддержку, придерживалась более пристрастной позиции: Де Мартино (который в следующем году станет секретарем партии) утверждал, что в столь серьёзный момент нельзя было выражать солидарность с чужими решениями, принятыми без предварительной консультации с правительством Италии. Тем более что американская блокада, предложенная Вашингтоном, представляла собой нарушение международного права [Nuti, 1999: 547–548].

В непримиримую оппозицию решениям итальянского правительства встала ИКП, которая в Сенате обвинила Фанфани и правительство в подчинённости Соединённым Штатам. На самом деле это было не так, и от итальянских коммунистов не ускользнул тот факт, что премьер-министр выразил лишь осторожную поддержку американского союзника, но по причинам политической выгоды подобная оценка публично не прозвучала. В беседе с советским послом заместитель директора

¹ Письмо Аминторе Фанфани Джону Ф. Кеннеди, Рим, 23 октября 1962, цитируется в U. Gentiloni Silveri (2010), с. 113–114.

отдела зарубежных связей ИКП Родольфо Мекини признал, что во время кубинского кризиса итальянское правительство вело себя сдержанно¹. Различные итальянские газеты интерпретировали тон правительственного выступления по вопросу кубинского кризиса как проявление опасной тенденции к нейтралитету и ослабление верности североатлантическому союзу.

Как подробнейшим образом документировал Леопольдо Нути, неопределённая позиция Фанфани и публичные заявления ИСП в дни кризиса вызвали в Вашингтоне живую озабоченность будущим североатлантическими обязательствами римского правительства. Осторожность Фанфани, безусловно, являлась плодом его искренней озабоченности перед риском ядерной войны, но она была связана также с внутривластными расчётами, с нежеланием обострять отношения с ИСП [Nuti, 1999: 551]. Сомнения Италии в справедливости американского эмбарго и постоянное обращение к ООН как к компетентному собранию для проведения переговоров фактически сочетались с внутривластными маневрами [Anastasi, 2014: 17].

Карибский кризис, по счастью, не привёл к тому трагическому исходу, который казался уже неизбежным. Италия пристально следила за развитием конфликта и стремилась поддержать переговоры главными образом на площадке ООН, где дипломатические усилия У Тана были направлены на то, чтобы избежать ядерной эскалации. Генеральный секретарь ООН 24 октября обратился к Хрущёву с призывом приостановить отправку оружия и к Кеннеди с призывом отсрочить военноморскую блокаду.

26–27 октября, вследствие обмена посланиями между Кеннеди и Хрущёвым, было достигнуто соглашение. Радио Москвы передало содержание послания советского лидера с предложением вывести ракеты с Кубы в обмен на вывод баллистических ракет средней дальности из Турции. Кеннеди заявил о готовности не нападать на Кубу и работать для достижения более общего соглашения по другим видам вооружения. В то же время Роберт Кеннеди встретился с советским послом Добрыниным и пришёл к компромиссу, предполагавшему демонтаж ракет в Турции и, возможно, в Италии, в обмен на вывод советских ракет с Кубы². Американская администрация знала позицию итальянского правительства, которое, в отличие от турецкого, соглашалось с выводом ракет “Юпитер”, предлагая заменить их на более надёжные и адекватные средства.

Советские оценки деятельности Италии

Московская дипломатия положительно оценила деятельность итальянского правительства по разрешению кризиса. В своих дневниковых записях Фанфани писал, что посол Козырев был “обеспокоен” его выступлением в палате депутатов и что ТАСС интерпретировал его доклад как “проамериканский” [Fanfani, 2013: 24 ottobre 1962]. На самом деле в Кремле позиция итальянского правительства во вре-

¹ Запись беседы первого секретаря посольства СССР в Италии С. Дорофеева с заместителем директора отдела международных связей ИКП Р. Мекини, 4/11/1962, в RGANI, ф.5, оп. 50, д. 382, лл. 214–217.

² В своём недавнем исследовании Кубинского кризиса Леонардо Кампус восстановил с помощью мемуаров некоторых деятелей той эпохи возможный след тайного предложения Фанфани, направленного им в США в дни кризиса через Бернабеи, вывести военные базы НАТО из Италии, чтобы облегчить достижение соглашения с Москвой. Если бы история эта нашла документальное подтверждение (на данный момент отсутствующее), то можно было бы считать, что инициатива Фанфани “смогла внести вклад в подтверждение того, что было бы легко добиться вывода баз из Италии, а значит, можно было бы использовать это для достижения вывода баз из Турции”, см. L. Campus (2014), сс. 279–284.

мя карибского кризиса была воспринята как лояльная и внимательная к позиции Москвы. Подобное убеждение подкреплялось различными факторами; в том числе тем обстоятельством, что Фанфани проинформировал советского посла о содержании личного послания, направленного Кеннеди, и тем фактом, что по окончании кризиса Фанфани сообщил Хрущёву о высокой оценке итальянским правительством решения СССР вывести ракеты с Кубы. В беседе с послом Странео несколькими днями позже, первый секретарь КПСС сказал ему, что понимает положение, в котором оказался Рим во время кризиса, и считает разумной занятую итальянским правительством позицию¹.

Подход Италии во время Кубинского кризиса подробно рассматривался Первым европейским отделом советского Министерства иностранных дел. В докладе подчёркивались различные позитивные аспекты римской политики, и в результате анализа московские дипломаты пришли к заключению, что в будущем необходимо больше учитывать роль Рима в разрешении международных вопросов. Московские аналитики по сути соглашались с определением, данным Ла Пира внешней политике Фанфани: Италия в то время следовала по пути “активного нейтралитета, не предусматривавшего разрыв с Западом, но стремившегося придать стране роль моста между двумя мирами”². Подобное прочтение соответствовало идее Фанфани, согласно которому, хотя североатлантический союз и оставался путеводной звездой его внешней политики, Италия не могла отказаться от примиряющей роли в отношениях между Востоком и Западом.

Карибский кризис был одним из наиболее сложных моментов “холодной войны”, а для итало-советских связей он стал лакмусовой бумажкой для оценки уровня отношений между Римом и Москвой. Кубинские события разворачивались после двух лет заметного улучшения итало-советских отношений, несмотря на трудности, обусловленные сомнениями многих итальянских кругов относительно политики открытости к Востоку и ухудшением международного положения. В Москве признавали, что под руководством Фанфани Италия сделала заметные шаги вперед в развитии диалога между Востоком и Западом. Этой цели служили и личные отношения, установленные между Фанфани и Хрущёвым в ходе поездки итальянского премьер-министра в Москву в августе 1961 года. Советский посол Козырев, обычно менее щедрый в оценках итальянского правительства, чем его коллеги в министерстве, несколько месяцев спустя отмечал “тенденции левоцентристского правительства Фанфани проводить внешнеполитический курс с определённым учётом национальных интересов страны... его стремление поднять роль Италии при решении международных вопросов, некоторые попытки Фанфани в личных целях сыграть определённую роль в диалоге между Востоком и Западом”³.

Дальнейшим подтверждением высокой оценки роли Италии во время кубинского кризиса стала беседа Фанфани и секретаря ЦК КПСС Фрола Козлова, прибывшего в Рим в декабре 1962 г. на X Конгресс ИКП. В ходе встречи Козлов поблагодарил собеседника за позицию Рима во время Карибского кризиса и выразил желание Кремля продолжать развивать двусторонние отношения в русле событий последних лет [Хормач, 2005: 800–801].

¹ Справка о советско-итальянских отношениях, составленная I Европейским отделом МИД, 15/11/1962, в АВП РФ, Ф. 098, оп. 45, с. 264, д. 7, лл. 36–37. Документ частично цитируется в И.А. Хормач (2005), с. 796.

² Там же.

³ Политический отчёт посольства СССР в Италии за 1963 год, 19/2/1964, в RGANI, Ф. 5, оп. 50, д. 468, л. 109.

* * *

Отношения между Москвой и Римом продолжали развиваться и в шестидесятые годы. Прежде всего это касается расширения торговых связей. В асимметричных отношениях между советской сверхдержавой и Италией итальянские правительства смогли обрести свою геополитическую роль и внести вклад в разрядку международной напряжённости. Слабость не обязательно должна означать незначительность [L'Italia vista dal Cremlino: 10–11]. Деятельность итальянского правительства во время кубинских событий представляет собой пример того, как среднего размера держава смогла внести свой вклад в становление системы международной безопасности в годы “холодной войны”.

Список литературы

- Богомазов В.М. (2015), Глобализованный мир и Папа Франциск в *Современная Европа*, № 2, 2015.
Венский вальс холодной войны (вокруг встречи Н.С. Хрущёва и Дж. Кеннеди в 1961 году в Вене). Документы. (2011), М.: РОССПЭН.
Громько А.А. (2015), Памятное. Испытание временем. – М.: Центрполиграф
Громько Ан. А. (2009), Полет его стрелы. Воспоминания и размышления сына, М.: Научная книга.
Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М.: Автор, 1996.
Егорова Н. И. (2015), Берлинский (1958–1961) и Кубинский (1962) кризисы в *Электронный научно-образовательный журнал “История”*, 2015.
Иоанн XXIII и современный мир (2002). Под ред. А.А. Красикова и А. Меллони, М.: Интердиалект.
Красиков А.А. (2010), Папство и мировая политика (К 45-летию завершения Второго Ватиканского собора), в *Современная Европа*, № 4.
Красиков А.А. (2011), Эхо Второго Ватиканского собора “от Атлантики до Урала” в *Современная Европа*, № 3.
Красиков А.А. (2014), Религии в Европе: возможности взаимодействия в Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы. Под ред. Ал. А. Громько и В.П. Фёдорова, М.: Весь мир.
Мальков В. Л. (2015), Время превратностей: к началу дискуссии о контроле и запрещении атомного оружия в *Электронный научно-образовательный журнал “История”*, Выпуск 2 (35).
Мелькионни М.Г. (2011), Итальянцы и европейский выбор в На перекрестке средиземноморья: “Итальянский сапог” перед вызовами XXI века. Под ред. Т.В. Зоновой, М.: Весь Мир.
Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе. (2013) Под ред. Ал.А. Громько. ДИЕ РАН, № 285, М.
Салаконе А. (2014), СССР и “нео-атлантическая” Италия в 1960-е гг., в *Итальянская республика в меняющемся мире*. Под ред. А.А. Язковой, М.: Ин-т Европы РАН.
Салаконе А. (2015), Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) в *Электронный научно-образовательный журнал “История”*, Выпуск 2 (35).
Трояновский О.А. (1997), Через годы и расстояния. Из истории одной семьи, М.: Вагриус.
Хормач И.А. (2005), СССР-Италия и блоковое противостояние в Европе, М.: ИРИ РАН.

References

- Amintore Fanfani e la politica estera italiana (2009). Под ред. А. Giovagnoli и L. Tosi, Venezia, Marsilio.
An International History of the Cuban Missile Crisis: A 50-year retrospective (2014). Под ред. D. Gioe, L. Scott, C. Andrew, London, Routledge.
Anastasi M. (2014), Il quarto governo Fanfani e la crisi di Cuba del 1962. Una chiave di volta per l'apertura a sinistra в *Diacronie. Studi di Storia Contemporanea*, № 20.
Bagnato B. (2003), Prove di Ostpolitik. Politica ed economia nella strategia italiana verso l'Unione Sovietica 1958- 1963, Firenze, Leo S. Olschki.
Bogomazov V.M. (2015), Globalizovannyj mir i Papa Francisk. Sovremennaja Evropa, № 2, 2015.
Campus L. (2014), I sei giorni che sconvolsero il mondo. La crisi dei missili di Cuba e le sue percezioni internazionali, Firenze, Le Monnier.
Dobrynin A. F. Sugubo doveritel'no. Posol v Vashingtone pri shesti prezidentah SShA (1962—1986 gg.). М.: Avtor, 1996.
Fanfani A. (2013), *Diari*, vol. IV. Под ред. V. Capperucci, A. Giovagnoli, R. Moro, P. Roggi, Soveria Mannelli, Rubbettino.
Egorova N. I. (2015), Berlinskij (1958–1961) i Kubinskij (1962) krizisy v Jelektronnyj nauchno-образovatel'nyj zhurnal “Istorija”, 2015.

- Fursenko A. – Naftali T. (1997), “One Hell of a Gamble”: Khrushchev, Castro and Kennedy, 1958–1964, New York, Norton.
- Gentiloni Silveri U. (2010), Fanfani visto da Washington, в Amintore Fanfani e la politica estera italiana.
- Gromyko A.A. (2015), Pamjatnoe. Ispytanie vremenem. – M.: Centrpoligraf
- Gromyko An. A. (2009), Polet ego strely. Vospominanija i razmyshlenija syna, M.: Nauchnaja kniga.
- Ioann XXIII i sovremennij mir (2002). Pod red. A.A. Krasikova i A. Melloni, M.: Interdia-lekt.
- Harper J.L. (2011), The Cold War, Oxford-New York, Oxford Histories.
- Hormach I.A. (2005), SSSR-Italija i blokovoje protivostojanie v Evrope, M.: IRI RAN.
- Kramer M. (2012), The “Lessons” of the Cuban Missile Crisis for Warsaw Pact Nuclear Operations в *Cold War International History Project Bulletin, The Global Cuban Missile Crisis at 50*, issue 17/18.
- Krasikov A.A. (2010), Papstvo i mirovaja politika (K 45-letiju zavershenija Vtorogo Vatikan-skogo sobora), в *Sovremennaja Evropa*, № 4.
- Krasikov A.A. (2011), Jeho Vtorogo Vatikanskogo sobora “ot Atlantiki do Urala” в *Sovremennaja Evropa*, № 3.
- Krasikov A.A. (2014), Religii v Evrope: vozmozhnosti vzaimodejstvija v Bol'shaja Evropa. Idei, real'nost', perspektivy. Pod red. Al. A. Gromyko i V.P. Fjodorova, M.: Ves' mir.
- L'Italia vista dal Cremlino. *Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953-1970* (2015). Pod red. Bettanin F., Prozumenšikov M., Roccucci A., Salacone A., Roma, Viella.
- Mal'kov V. L. (2015), Vremja prevratnostej: k nachalu diskussii o kontrole i zapreshhenii atomnogo oruzhija v Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istorija”, Vypusk 2 (35).
- Martelli E. (2008), L'altro atlantismo. Fanfani e la politica estera italiana (1958–1963), Milano, Guerini e associati.
- Mel'kionni M.G. (2011), Ital'jancy i evropejskij vybor v Na perekrestke sredizemnomor'ja: “Ital'janskij sapog” pered vyzovami XXI veka. Pod red. T.V. Zonovoj, M.: Ves' Mir.
- Naftali T. (2012), The Malin Notes: Glimpses Inside the Kremlin during the Cuban Missile Crisis в *Cold War International History Project Bulletin, The Global Cuban Missile Crisis at 50*, issue 17/18.
- Nuti L. (1999), Gli Stati Uniti e l'apertura a sinistra. Importanza e limiti della presenza americana in Italia, Roma-Bari, Laterza.
- Riccardi A. (1992), Il Vaticano e Mosca 1940–1990, Roma-Bari, Laterza.
- Roccucci A. (2015), Coesistenza pacifica tra disuguali. Italia e Unione Sovietica dalla morte di Stalin alla visita di Gronchi a Mosca, в *L'Italia vista dal Cremlino. Gli anni della distensione negli archivi del Comitato centrale del PCUS. 1953–1970*.
- Roncalli M. – Krasikov A. (2014), Quel Papa contadino come papà, в *Corriere della Sera*, 20/4/2014.
- Rossija i gosudarstva Apenninskogo poluoostrova na sovremennom jetape. (2013) Pod red. Al.A. Gromyko. DIE RAN, № 285, M.
- Salakone A. (2014), SSSR i “neo-atlanticheskaja” Italija v 1960-e gg., в *Ital'janskaja respublika v menjajushhemsja mire*. Pod red. A.A. Jaz'kovej, M.: In-t Evropy RAN.
- Salakone A. (2015), Mezhdju stolknoveniem i razrjadkoj: mnogostoronnost' vneshnej politiki Italii i nalazhivanie otnošenij s Vostochnym blokom (1947–1960) в *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istorija”*, Vypusk 2 (35).
- Tra guerra fredda e distensione (2003). Pod red. A. Giovagnoli и S. Pons, Soveria Mannelli, Rubbettino.
- Trojanovskij O.A. (1997), Cherez gody i rasstojanija. Iz istorij odnoj sem'i, M.: Vagrius.
- Venskij val's holodnoj vojny (vokrug vstrechi N.S. Hrushhova i Dzh. Kennedi v 1961 godu v Vene). Dokumenty. (2011), M.: ROSSPJeN.
- Un ponte sull'Atlantico: l'alleanza occidentale 1949–1999 (2008). Pod red. A. Giovagnoli и L. Tosi, Milano, Guerini e associati.
- Zubok V. (2007), A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev, Chapel Hill, The University of North Carolina Press (издание Kindle).

Cuban crisis in the context of relations of USSR and Italy

Author. Salacone, Alessandro. Research fellow in “Università degli Studi di Napoli – L'Orientale”, Institute for General History, Russian Academy of Sciences. **Address:** Moscow, Leninskij prospekt, 32 A, 119334. **E-mail:** asalac@gmail.com

Abstract: Since the end of the 1950s, a new stage in the USSR-Italy relations started. Rome saw its dialogue with the USSR as a channel to strengthen its position on the international arena and contribute to détente between the East and the West. For Italy, the Cuban crisis was an opportunity to test that policy. The Rome government paid due regard to the USSR reasons and contributed in the peaceful resolution of the crisis, without sacrificing the Atlantic Solidarity.

Key Words: Italy, USSR, Cuba, Fanfani, International security, Cold war.